

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 2-го ноября 1864 года.

I.

Ужаснѣйшую и славнѣйшую эпоху нашего времени приходится мнѣ описывать. Но прежде нежели приступлю къ исполненію обязанности, которую, не спросясь моихъ читателей, возложилъ я на себя, будто для ихъ пользы и удовольствія, постараюсь на-время потерять ихъ изъ виду; равномѣрно и ихъ охотно разрѣшаю отъ скуки читать сію первую главу. Я буду писать ее единственно для внуковъ и правнуковъ, братьевъ и сестеръ моихъ; имъ посвящаю ее и въ ней изображу послѣднія минуты примѣрной жизни того необыкновеннаго человѣка, происхожденіемъ отъ котораго имѣеть право гордиться тотъ изъ нихъ, который будетъ сколько-нибудь достоинъ называться его потомкомъ.

Я пріѣхалъ въ опустѣлый безъ него домъ. Онъ мнѣ показался трупомъ, отъ котораго отлетѣла душа, хотя унылая, обезсиленная, но дотолѣ все-таки его оживлявшая. Въ избыткѣ горести, моя мать казалась даже нечувствительною къ пріѣзду любимаго сына. Выраженіе этой горести могло бы казаться преувеличеннымъ, неестественнымъ только тѣмъ, которые не знали безпредѣльной ея любви къ покойному мужу; въ Пензѣ же никто не позволялъ себѣ осуждать ее, всѣ изъявляли участіе и сожалѣніе; даже дивились какъ она могла пережить свое несчастіе. Я нашелъ, что занавѣски у кровати матери моей, равно какъ и у окошекъ ея комнаты, были черныя, опущенныя; того же цвѣта были одѣяло и чехлы на креслахъ: этотъ усиленный трауръ, этотъ мракъ, которымъ она окружала себя, всѣ знаки глубокой скорби ея, одни были для нея утѣшительны.

Она лежала неподвижна, безсловесна. Врачи опасались, что продолженіе такого состоянія будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія вообще для здоровья ея и особенно для разсудка. И для того, чтобы выводить ее изъ сего оцѣмѣнія, одеревенѣнія, прибѣгали къ средству сильному, къ припоминанію причины ея горести. Успѣхъ бывалъ ужасенъ; нечеловѣческій, страшный, тяжкій стонъ, раздирающій душу присутствующихъ, начиналъ выходить изъ глубины ея груди. Одному только простодушному, святому старцу, епископу Аеанасію, самому удрученному болѣзнями, удавалось врачевать ея душу. Его сердце было исполнено челоуѣколюбія, а уста нѣжныхъ, утѣшительныхъ словесъ: о предчувствуемомъ небѣ умѣлъ говорить онъ какъ о знакомомъ почти мѣстѣ. Слушая его, она тихо проливала потоки слезъ и чувствовала на-время облегченіе сердечной скорби своей.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ небо послало ей нѣкоторую твердость, и она начертала себѣ новый образъ жизни, которому слѣдовала до конца ея. Ровно двадцать лѣтъ осуждена была она влачить свое вдовство, и ничто не измѣнилось въ принятомъ ею порядкѣ. Она всегда носила черное платье, только по большимъ праздникамъ надѣвала бѣлое; прежде любила она играть иногда въ вистъ; на карты наложено запрещеніе въ домѣ ея; не только въ какія-нибудь собранія, ни даже запросто ни къ кому она не ѣздила, посѣщала одни Божіи храмы, да навѣщала больныхъ и скорбныхъ. Однимъ словомъ, безъ постриженія, вела всегда иноческую жизнь. О печали, которая никогда ее не покидала, никому не говорила; за то трудно было дожидаться улыбки на лицѣ ея, прежде всегда веселомъ, довольномъ.

Возвратясь изъ Петербурга, какъ мнѣ разказывали, покойный отецъ мой нѣсколько было ожилъ. Онъ принялся опять за любимую страсть свою, продолжалъ отдѣлывать вновь имъ выстроенную каменную церковь въ селѣ Лебедевкѣ и доканчивать новый, большой деревянный домъ въ селѣ Симбухинѣ, который началъ возводить онъ, не имѣя средствъ отдѣлать другой каменный трѣхъэтажный домъ, тутъ же давно имъ построенный. Къ этому примѣшалась еще другая страсть. Въ первой части сихъ записокъ, говорилъ уже я о привязанности его къ меньшей дочери, которую любилъ онъ

паче всѣхъ другихъ дѣтей своихъ: онъ не видѣлъ въ ней никакихъ несовершенствъ, хотя, къ сожалѣнію, они были. Ее призвалъ онъ на совѣтъ, при составленіи плана новаго строенія: она не имѣла понятія объ архитектурѣ и такъ, шутя, наобумъ стала проводить линіи карандашомъ. Этотъ странный чертежъ рѣшился онъ привести въ исполненіе, тѣмъ самымъ, что онъ твореніе милой дочери. Къ счастью, вышло что-то совсѣмъ необыкновенное, но не совсѣмъ дурное. Разумѣется, что и во внутреннемъ не богатомъ убранствѣ сдѣлали ея же вкусу. Наконецъ, домъ посвѣтъ, и 14 ноября, день именинъ его, жители Пензы за 18 верстъ во множествѣ пріѣхали праздновать съ нимъ новоселье. Веселились, пили, ѣли, танцовали, и звуки музыки тутъ послѣдній разъ раздавались въ домѣ нашемъ.

Конечно эти строенія *разстраивали* все болѣе и болѣе семейное состояніе, но какъ они были послѣднею, единственною его утѣхой, то бѣдная, бережливая мать моя, не хотѣла, показывая ему истину, отговаривать его отъ сихъ непомерныхъ издержекъ. Когда домъ былъ совсѣмъ оконченъ и прекратились его занятія, онъ опять началъ впадать въ уныніе и тоску: это было совершенно состояніе больного дитяти, котораго можно развлекать только игрушками. Къ Рождеству уговорили его переѣхать въ городъ; почтительное состраданіе вкралось въ сердца прежнихъ враговъ его, всѣ оказывали ему знаки непритворнаго уваженія; ко всему оставался онъ невнимателенъ, равнодушенъ.

Вдругъ 25 января захворалъ онъ сильною простудой, пересталъ выѣзжать изъ дому, однакоже не слегъ. Отмѣнно досадно казалось ему, что онъ не можетъ быть на какомъ-то пирѣ, на какомъ-то балѣ, который дворянство, не знаю по какому случаю, хотѣло дать въ Благородномъ Собраніи своемъ, и тамъ полюбоваться пляскою дочери. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, 27 числа, когда всѣ улеглись, кромѣ его, но еще не спали, побрелъ онъ въ комнату дочерей, присѣлъ на кровать меньшей и велѣлъ подать новое бальное платье, въ которомъ она должна была явиться на помянутомъ пирѣ. Посмотрѣвъ на него грустно, потомъ всталъ и, прощаясь съ необыкновенною кѣжливостію, поцѣловалъ обѣихъ дочерей. Среди ночи, часу въ четвертомъ, мать моя была пробуждена какимъ-то страннымъ шорохомъ, и при свѣтѣ лампы, пе-

редь образомъ зажженной, увидѣла его какъ тѣнь бродящаго по комнатѣ. Онъ сказалъ, что чувствуетъ сильное круженіе головы, приливъ къ ней крови и надѣется, что ходьбою оно пройдетъ. Потомъ, уставши, прилежъ на диванъ, и минутъ черезъ десять страшно захрипѣлъ. Его не стало.

Съ крикомъ бросилась къ нему испуганная супруга. Мѣнѣе чѣмъ черезъ четверть часа весь домъ былъ на ногахъ и гонцы верхомъ посланы за священникомъ и врачомъ. Они явились; къ счастью, мать моя находилась въ совершенномъ безпамятствѣ и это брату моему дало возможность сказать ей простительную, въ этомъ случаѣ, ложь, будто въ это время покойный на нѣсколько минутъ открылъ глаза и успѣлъ причаститься святыхъ таинъ. Съ ея набожностію, безъ этого успокоительнаго обмана, она бы промучилась всю жизнь. Черезъ три дня, жители Пензы, въ томъ числѣ множество простаго народа, 13 верстъ провожали тѣло бывшего начальника губерніи, до села Симбухина, гдѣ недавно праздновалъ онъ временное новоселье, а этотъ разъ поселялся на вѣчное. Тамъ, въ имѣ же построенной каменной церкви сего помѣстья, которое отъ первой супруги по наслѣдству ему досталось и носить ея фамиліное имя, лежитъ онъ подобно графу Глейхену, близъ нея и рядомъ со второю супругою своею.

Не одна тяжкая печаль ожидала меня въ Пензѣ, но и заботы дотошъ мнѣ вовсе не знакомыя. Все имѣніе, состоявшее не съ большимъ изъ шести сотъ душъ, было опутано долгами, такъ что десятками тысячъ рублей они считались. Прежде предохранявшая его отъ раззоренія, заботливая мать первоначально отказалась ото всего и объявила дѣтямъ, чтобъ они спасались какъ хотятъ и какъ умѣютъ, а что ей ничего не нужно. Изъ двухъ сестеръ одна близилась къ сорока годамъ, другая едва перешла за двадцать. Старшая дала обѣтъ никогда не отлучаться отъ матери, совершенно посвятить себя ей и не имѣть иныхъ заботъ. Меньшая никогда ихъ не знала, думала объ однихъ только нарядахъ и удовольствіяхъ жизни, которые по возможности были ей доставляемы; ничѣмъ нѣсколько серьезнымъ не умѣла заниматься, ни чтеніемъ, ни даже рукодѣіемъ. Первое горе ее постигшее, и самое для нея тяжкое, не могла она, по примѣру сестры, перенести съ покорностію къ волѣ Божіей, и отчаяніе ея походило на сумашествіе. Наконецъ старшій братъ Павелъ давно

замышлялъ омыть хотя бы своею кровію незаслуженное пятно, которое правительство и общее мнѣніе наложили на провіантское вѣдомство, къ которому онъ принадлежалъ. И для того еще, при жизни отца и съ дозволенія его умолялъ онъ военнаго министра Барклая-де-Толли, лично его съ хорошей стороны знавшаго, объ опредѣленіи его попрежнему и съ прежнимъ чиномъ въ военную службу. Тотъ отвѣчалъ, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить его желаніе, но что это для него самого даже трудно, ибо съ 1807 года не было примѣра, чтобы кто-нибудь служившій въ провіантскомъ штатѣ былъ принятъ въ службу армейскимъ чиномъ. Съ недѣли на недѣлю ожидая рѣшенія судьбы своей, онъ также совершенно не могъ приступить къ управленію имѣніемъ.

Итакъ вся обуза должна была лечь на меня. Много помогали мнѣ сначала совѣты старшаго опытнаго брата. Изъ всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ жизни моей, при всей моей торопливости, часто необдуманности поступковъ, всегда выходилъ я довольно благополучно. Не смѣю и подумать, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ особое милосердіе Божіе, но оно всегда явно выводило меня изъ пучины золъ мнѣ угрожавшихъ. Какъ же мнѣ было не любить и не страшиться этого невидимаго всемогущества? Какъ отъ всей души не вѣровать было въ него, посреди общаго почти невѣрія? И въ этомъ случаѣ явило оно благодать свою надо мною и надъ моими, такъ что къ концу года денежныя дѣла наши взяли самый благоприятный оборотъ.

За Сурой въ большомъ лѣсномъ участкѣ, намъ принадлежащемъ, называемомъ Кичкилейка, былъ у насъ винокуренный заводъ. Такого рода заведенія обыкновенно даютъ значительный доходъ, только нуженъ хорошій присмотръ, а его то послѣднее время и не было. Къ тому же десятилѣтнее существованіе этого завода истребило лѣсъ и разворило мужиковъ. Необходимость заставила его погасить. Послѣ него осталось большое количество мѣдной посуды, которую можно было продать только на вѣсъ; къ счастью, одинъ добрый сосѣдъ, который въ это время приступалъ къ такого же рода предпріятію, не сталъ торговаться, а купилъ посуду почти по той же цѣнѣ, по которой она намъ обошлась, и такимъ образомъ можно было выручить нѣсколько тысячъ рублей.

Еще другія тысячи получили мы благодаря угасшему заводу. Правительство полагая, что всё сѣверо-западные области изобилуютъ рогатымъ скотомъ, обратилось къ нимъ съ предложеніемъ пожертвовать нѣкоторую часть онаго для прокормленія собравшейся на границѣ арміи. Въ Симбирской и въ Саратовской губерніяхъ, особливо же за Волгою, было тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, необозримыхъ степей, на которыхъ тысячами паслись стада: для нихъ эта жертва была совсѣмъ не значительна. Но для Пензенской губерніи, которая такъ туго заселена, гдѣ такъ мало пастбищныхъ мѣстъ, которую мясомъ по большей части продовольствуютъ сосѣди, для нея это было довольно накладно. Пріятно было видѣть радостную готовность, которую, несмотря на то, изъявило пензенское дворянство въ семъ случаѣ: она въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, была предзнаменованіемъ того великодушнаго, всеобщаго, дружнаго возстанія, которое не замедлило потомъ обнаружиться во всей Россіи. Положено было купить 2.400 быковъ по какой бы то ни было цѣнѣ и съ надежнымъ чиновникомъ, на дворянскій счетъ, отправить къ войску, разложивъ сумму, для того употребленную, на помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ. На нашу долю пришлось весьма мало, или лучше сказать, ничего, или лучше сказать, меньше чѣмъ ничего. На нашемъ заводѣ были десятки быковъ, которыхъ содержаніе дотолѣ намъ приходилось даромъ, которые сдѣлались не нужны, а кормить ихъ становилось дорого. Представился единственный случай ихъ дорого сбыть съ рукъ и я не упустилъ имъ воспользоваться.

Одинъ Нижегородскій откупщикъ, за проданную и поставленную ему водку былъ долженъ пятнадцать тысячъ рублей отцу моему, но подъ разными предлогами отказывался уплачивать сіи деньги, какъ ни просили его и на него, такъ что долгъ сей почитали мы пропавшимъ. Видно вдругъ ему стало совѣстно, ибо онъ прислалъ мнѣ эту сумму сполна, при письмѣ, въ которомъ объяснилъ, что узнавъ о стѣсненномъ положеніи нашего семейства, хотя и самъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, далѣе откладывать уплаты не хочетъ.

Въ душевной тоскѣ и въ тѣлесномъ разслабленіи, метался, можно сказать, не зная куда, отецъ мой задумалъ было поселиться въ Москвѣ и для того послѣднюю осень купилъ въ

ней за шесть тысячъ рублей небольшой деревянный домъ въ какомъ-то переулкѣ, близъ Арбата: этотъ домъ намѣренъ былъ онъ послѣ себя отдать любимой дочери. Въ благополучные дни нашего семейства, было у матери моей и у сестеръ нѣсколько алмазовъ, въ томъ числѣ одна сохранившаяся брилліантовая нитка, которая имѣла нѣкоторую цѣнность и была предназначена старшей сестрѣ, болѣе въ видѣ капитала чѣмъ украшенія. Той и другой предметы сіи были обѣщаны, а не отданы. Однакоже, для продажи я счелъ долгомъ испросить ихъ согласіе, и онѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, дали его. Но гдѣ было сыскать покупателей въ такое время, когда всѣ, чуя приближеніе чернаго дня, берегли про него деньги, а многіе даже и прятали ихъ? Судьба послала ихъ. Одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, просящая въ это время единственную дочь свою за богатаго же помѣщика Ранцова, и хотѣлъ дать ей приличное обоемъ состояніямъ приданое: брилліантовую нитку купилъ онъ у насъ за пять тысячъ рублей. Сыскался и другой, человекъ неблагодарный, неосторожный, котораго прозванія не запомню, но котораго не мнѣ осуждать; онъ купилъ московскій домъ за десять тысячъ рублей, четырьмя тысячами дороже того что онъ былъ заплаченъ, домъ, который, два мѣсяца спустя, съ тысячами другихъ, долженъ былъ обратиться въ пепелъ.

Было еще нѣсколько такихъ неожиданныхъ, благоприятныхъ случаевъ, о коихъ говорить не буду и которые помогли мнѣ въ полгода совсѣмъ почти выпутать изъ долговъ мое семейство. Всѣ эти мелочи, подробности, можетъ-быть вовсе не занимательны, не скажу только уже для читателей моихъ, отъ нихъ отрекся я уже въ началѣ сей главы, но даже и для потомковъ моихъ родителей. Но мнѣ не упоминать о нихъ было бы и стыдно и грѣшно, когда во всемъ этомъ видѣлъ я несомнѣнные знаки милосердія небеснаго къ осиротѣвшему семейству честнѣйшаго человека въ мірѣ, которое простодушіемъ и любовью къ ближнимъ было его достойно, и къ неопытному молодому человѣку, пожираемому желаніемъ быть полезнымъ еще болѣе ему чѣмъ самому себѣ. Одинъ умный человекъ сказалъ, что то въ чемъ черствыя души видятъ одинъ слѣпой случай, не что иное какъ инокънито Провидѣнія, и что одни чувствительныя, благодарныя сердца способны его угадывать.

Осенью другія заботы мнѣ представились, и тогда, закрывъ свою комиссію погашенія долговъ, всѣ дѣла при вѣрномъ отчетѣ вручилъ я матери моей, которая, изъявивъ мнѣ свое удовольствіе, къ счастью, въ состояніи была опять успѣшно и прилежно заниматься ими.

II.

Пензенскій губернаторъ К. былъ причисленъ къ министерству..... При полученіи о томъ извѣстія, въ Пензѣ случился довольно забавный анекдотъ. Будучи тайно предувѣдомленъ о своемъ паденіи, К. сталъ наскоро собирать жену свою въ дорогу, дабы не губернаторшей ей тутъ и дня не оставаться. Такъ какъ она внутри Россіи никогда еще одна не путешествовала, то онъ предложилъ приверженцу своему М. быть ея проводникомъ до Москвы, на что сей послѣдній охотно согласился. Во время сборовъ догадался ли онъ или провѣдалъ о чемъ, только отказаться уже не смѣлъ. Довхавъ до Саранска, на первомъ ночлегѣ прикинулся онъ больнымъ, кричалъ жалуюсь на нестерпимыя боли въ животѣ, въ головѣ, не хуже Жилблаза въ Роландовой пещерѣ, такъ что перепугалъ свою спутницу. Одна должна была отправиться она даѣе, а онъ, какъ Сикстъ Пятый, вскочивъ, захохотавъ, спросилъ у предстоящихъ, каково сыгралъ онъ комедію? Когда въ Пензѣ спросили его зачѣмъ онъ такъ дурачился, онъ отвѣчалъ, что вѣдь указъ объ увольненіи еще полученъ не былъ. Когда же его получили, еще до возвращенія М., то К., совсѣмъ готовый къ отбытію, не медля ускоралъ. Проводовъ ему не было; его отъѣздъ похожъ былъ на побѣгъ.

Вскорѣ прибылъ его преемникъ: но полно, такъ ли я сказалъ? Это было не вступленіе въ должность губернатора, а востшествіе, воцареніе владѣтельнаго князя. Послѣ смерти князя Сергія Феодоровича Г., въ началѣ 1810 года, неутѣшная вдова его, Варвара Васильевна, рѣшилась удалиться отъ свѣта въ любимую свою Зубриловку, куда изъ Галиціи и привезено было его тѣло *. При ней находились

* Онъ начальствовалъ тамъ вспомогательною арміею Наполеону противъ Австрійцевъ, въ извѣстной войнѣ безъ сраженій. Миръ былъ заключенъ, армія мало-по-малу возвращалась, и онъ скончался въ минуту отъѣзда своего.

неотлучно младшіе сыновья ея, на службѣ числящіеся, и самый старшій, отставной князь Григорій Сергѣевичъ съ женою и семействомъ. Но какъ поладить съ тѣмъ, чтобы, не разлучаясь съ нею, могли одинъ продолжать службу, а другой поступить въ нее опять? Вотъ почему князь Григорій, будучи въ генеральскомъ чинѣ, началъ искать мѣсто Пензенскаго губернатора, и получилъ его, вмѣстѣ съ дозволеніемъ каждое лѣто за 130 верстъ ѣздить въ деревню къ матери. Весною и осенью могъ онъ проживать у ней подъ предлогомъ обозрѣнія губерніи, а зимою когда она пріѣзжать къ нему. Меньшіе три брата были всѣ камеръ-юнкеры, только средній, Василій, былъ пожалованъ до указа о семъ званіи и состоялъ въ пятомъ классѣ, а другіе два, Павелъ и Владиміръ, послѣ, и имѣли только оберъ-офицерскіе чины. Ихъ опредѣлили къ брату чиновниками по особымъ порученіямъ, а Василья помѣстили совѣтникомъ, сверхъ штата, въ губернское правленіе. Разумѣется, всѣ сохранили право жить въ Зубриловкѣ, когда они или мать ихъ того пожелаютъ.

Я нашелъ князя Г. утвердившагося на своемъ губернаторско-княжескомъ престолѣ. По прошествіи шестинедѣльнаго траурнаго срока, явился я къ нему и былъ милостиво принятъ: но и до того не одинъ разъ имѣлъ я случай его видѣть. Моя мать была имъ откровенно довольна; изъ уваженія къ званію предмѣстника, онъ былъ распорядителемъ похоронъ отца моего и потомъ разъ или два въ недѣлю посѣщалъ ее. По старинному знакомству какъ съ нимъ, такъ и съ братьями, по пріятностямъ тогдашней свѣтской ихъ образованности, могъ я дѣйствительно домъ его почитать для себя отрадою; но въ продолженіи пребыванія моего въ Пензѣ, не всегда мы ладили, какъ увидать послѣ.

Большая часть Пензенцевъ были отъ него безъ памяти, и какъ не быть? Послѣ времени К., имъ казалось, что насталъ для нихъ настоящій золотой вѣкъ. Губернаторъ еще молодой, красивый, ласковый, привѣтливый, принадлежащій къ княжескому роду, почитаемому однимъ изъ первыхъ въ Россіи, въ близкомъ родствѣ со всѣмъ, что Петербургъ являетъ высокаго и знатнаго при дворѣ. Обыкновенно эти люди, когда невзначай попадали въ провинцію, чтобы не остаться однимъ, поневолѣ сближались съ почетнѣйшими изъ ея жителей и совсѣмъ не скупились на

любезности, которыми, по крайней мѣрѣ, въ прошедшее время они славилась. Въ столицахъ дѣло было другое; не переставая быть учтивымъ, ихъ обращеніе примѣтно дѣлалось холоднѣе со сдѣланными тамъ знакомствами, и наши добрые люди никакъ не могли понять причинъ такой перемены. Итакъ, мои тщеславные земляки были очарованы: „ну, подлинно, говорили они, — можно сказать, что баричъ такъ баричъ, не то что иной, другой какой-нибудь нашъ братъ рядовой дворянинъ“.

„И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?“ говаривали иные. Дѣйствительно, оно могло казаться страннымъ и тогда, а еще страннѣе нынѣ, когда губернаторскія мѣста упали противъ прежняго *. Восемнадцати лѣтъ былъ онъ уже генералъ-майоромъ, генералъ-адъютантомъ и докладчикомъ по военному вѣдомству при императорѣ Павлѣ; но какъ одинъ случай создалъ его, такъ другой уничтожилъ, и никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ онъ подняться. Когда при Александрѣ онъ сталъ проситься въ службу при особѣ Государя, ему предложили званіе камергера, а какъ это званіе почиталось тогда во сто разъ важнѣе чѣмъ нынѣ, то онъ охотно его принялъ. Замѣтивъ, что этотъ титулъ совсѣмъ не въ почетѣ у новаго царя, онъ сталъ проситься въ военную службу прежнимъ чиномъ, и его приняли съ состояніемъ по арміи и съ нахожденіемъ при отцѣ, тогда рижскомъ военномъ губернаторѣ: съ нимъ вмѣстѣ опять вышелъ онъ въ отставку. Послѣ того, во время первой милиціи 1807 года, не вступая въ дѣйствительную службу, и находясь при немъ же по какимъ-то порученіямъ.... Въ армію противъ Австрійцевъ съ отцомъ онъ не поѣхалъ, а остался при матери. Большаго свѣта онъ не любилъ, хотя въ немъ вездѣ былъ приять... Государь, который его лично зналъ, былъ не высокаго мнѣнія о его способностяхъ и только вслѣдствіе сильнаго ходатайства, назначилъ его губернаторомъ, съ переименованіемъ однакоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. И наши Пензенцы находили, что онъ спустился на губернаторство.

Будучи малолѣтнимъ, около года прожилъ я въ имѣніи матери Г.—селѣ Казацкомъ, и, кажется, довольно вѣрно изо-

* Писано въ тридцатыхъ годахъ. Ред.

бразилъ характеръ княгини. Оба они, мать и сынъ, не очень любили видѣть равныхъ себѣ, ибо между ими находили по большей части превосходящихъ ихъ въ образованности: гораздо пріятнѣе имъ было окружать себя существами подчиненными, подвластными. Въ отдаленномъ краю, гдѣ сходятся двѣ губерніи Саратовская и Тамбовская, и по содѣйствію съ Пензенской, создала себѣ княгиня Г. маленькое царство, которое по назначеніи сына ея въ правители, чрезвычайно умножилось присоединеніемъ къ нему цѣлой губерніи.

Нашъ князь Григорій пензенскій былъ аристократъ со всѣмъ особаго покроя, совершенно отличный отъ брата своего Θεодора, который настоящей тогдашней аристократіи служилъ образцомъ. Онъ находилъ, что не иначе можно блистать какъ въ столицѣ и при дворѣ, а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ: много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственною дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14 тысячъ душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Его ласково-вѣжливое обхожденіе не допускало однакоже никакой короткости съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣть ея не хотѣлъ. Старшій же братъ, напротивъ, охотно балагурилъ, вралъ, полагая, что со всѣми можетъ безнаказанно быть фамиліаренъ. Онъ любилъ угощать у себя, попить, поѣсть, поплясать. По моему онъ былъ правъ; такими только манерами можно было тогда понравиться въ провинціи; grand genre князя Θεодора тамъ бы не поняли. Два брата были вѣрнымъ изображеніемъ одинъ новѣйшаго аристократизма, заимствованнаго у Запада, другой — стариннаго русскаго барства. Только, къ сожалѣнію легкомысліемъ, прихотями, странностями онъ совсѣмъ не походилъ на древнихъ бояръ, которые отъ толпы обязаны были отличатся основательностію въ мысляхъ, обдуманностію въ поступкахъ.

Нашъ губернаторъ былъ чрезвычайный оригиналъ и главные черты его характера непремѣнно я долженъ здѣсь представить. Съ своею природною смышленностію Русскіе равно способны и къ изобрѣтательности и къ переимчивости; но съ природною же ихъ лѣтнію и съ навыками, которые даны имъ лѣтъ полтораста тому назадъ, превратились они совершенно въ постоянныхъ подражателей всего западнаго..